

Рисунок Бор. ЕФИМОВА.

ЖАЛОБА ПОДЖИГАТЕЛЕЙ

— Увы, господа, ни их прошлое, ни их настоящее не внушают надежд на наше будущее...

К Р О К О Д И Л

Рисунок В. ГОРЯЕВА.

— Вы до какой станции едете?
 — До машинно-тракторной. А там пересяду... на трактор.

Александр НИКОЛАЕВ

Студентам МГУ

Вы живёте с солнцем по соседству,
 Крылья вам орлиные даны.
 Вам теперь глядеть—не наглядеться
 На Москву с огромной вышины.
 Наверху ещё довольно странным
 Многое вам кажется пока:
 Часто к вам нахлынувшим туманом
 В окна заплывают облака;
 А когда в тумане на рассвете
 Тишина над городом стоит,
 Слышно вам, о чём вздыхает ветер
 И звезда с звездой говорит.
 Звёзды перед окнами повисли,
 Храм науки величав и прост.

Здесь любой студент
 в буквальном смысле
 Чуть ли не хватает с неба звёзд.
 Но не доведись тому случиться,
 Чтобы, воспарив под облака,
 На народ, пославший вас учиться,
 Вы бы посмотрели свысока!
 Там, вверху, учитесь на «отлично»
 И не забывайте развивать
 То, что нами принято обычно
 Критикою снизу называть.
 Кто посмеет помешать в полёте
 Вашей смелой творческой мечте,
 Если вы в учёбе и в работе
 Будете на должной высоте!

НАЗЫМ ХИКМЕТ,
поэт, член Бюро
Всемирного Совета Мира.

— Увидеть! — жаждал слепой. И советские профессора вернули зрение ему и тысячам других людей, от которых чёрная пелена вечного мрака скрывала всё богатство красок новой жизни.

Моё пожелание всем поэтам и писателям — своим словом вернуть зрение тем простым людям во всём мире, глаза которых ещё закрыты чёрной пеленой пропаганды поджигателей войны.

Назым

Н. К. ЧЕРКАСОВ,
народный артист СССР.

— Я, подобно чеховскому герою, мечтаю, чтобы всё театральное небо было в алмазах, чтобы неповторимо сверкало своим особым светом каждый театр, чтобы шли в них разные пьесы, чтобы режиссёры и критики отличались друг от друга не только по фамилиям. А то пока есть у нас в Москве, в Ленинграде и в других культурных центрах хорошие театры, и большие и малые, но спектакли у них чаще всего средние.

Не от того ли, что «классные дамы» из бывшего Комитета по делам искусств держали нас, точно маленьких детей, за руки, когда мы тянулись за пьесой, и не позволяли даже самим разговаривать с «чужими дядями» — драматургами?

Нашему Театру драмы имени А. С. Пушкина, например, не рекомендовали ставить пьесу Б. Лавренёва «За тех, кто в море», а когда театр, тем не менее, эту хорошую пьесу поставил, собирались даже объявить выговор руководству театра. После этого, как известно, пьеса шла по всей стране с большим успехом.

Страстно мечтаю о том времени, когда нас, подчас уже бородатых и даже седых театральных деятелей, признают наконец совершеннолетними и освободят от мелочной опеки!

Черкасов

Г. М. КРЖИЖАНОВСКИЙ,
академик.

— Английский писатель Герберт Уэллс, посетивший нашу страну в дни разрухи и голода, ознакомившись с планом электрификации страны, назвал Владимира Ильича Ленина «кремлёвским мечтателем».

Прошли годы — и пламенная ленинская мечта воплотилась в миллиардах киловатт электрической энергии, преобразивших нашу страну.

Мечтают за рубежом и противники международного сотрудничества. Сначала они мечтали об атомной монополии. Сорвалось! Тогда они предали не менее сладостной мечте о монополии в области водородной бомбы. Рухнула и эта мечта!

Г. М. Крижжановский

М. В. ИСАКОВСКИЙ,
поэт.

— Я сегодня вынужден говорить прозой, потому что стихи не напишались... Вообще у нас в жизни больше часто бывает так: писатели больше говорят, чем пишут, художники больше заседают, чем рисуют, агрономы вместо колхозов сидят в канцеляриях.

Хорошо бы всем нам побольше заниматься своим прямым делом!

Исаковский

И. С. МОРОЗОВ,
Герой Социалистического Труда,
председатель колхоза
имени Ворошилова, Ухтомского
района, Московской области.

— Мы люди земные. И наши праздничные пожелания не лёгкие, а весьма увесистые (собирать это не мешает нашим желаниям быть и возвышенными. Собрали высокий урожай, а в будущем году соберём ещё выше!

Мы перестаем быть «сезонниками». Переходим на «непрерывку» и круглый год будем снабжать советских людей свежими помидорами, огурцами, салатом и редиской.

Морозов

О. В. ЛЕПЕШИНСКАЯ,
народная артистка СССР.

— Танцевать Золушку значительно приятнее, чем быть Золушкой в жизни. А нам, артистам балета, как и Золушке, достаются только крохи с драматургического стола...

К Золушке приходят добрые феи. Весна приносит ей цветы, Лето — наряды, Осень — муслиновый плащ, а Зима — бриллианты.

Мы не ждём никаких фей. Мы ждём, когда к нам вместо сказочного принца придёт наконец такой волшебник, который не будет говорить волшебные слова и давать волшебные обещания, а напишет вместе с композитором хороший советский балет.

Олешина

К. М. ЛОЩЕНОВА,
Герой Социалистического Труда,
доярка колхоза имени Сталина,
Луховицкого района,
Московской области.

— Много молока нужно нашей стране! И у нас скоро потекут молочные реки, как сказал Никита Сергеевич Хрущёв.

Наш колхоз — один из ручейков огромной советской молочной реки. В этом году наш молочный ручей уже шире, чем должен был быть по плану. Пусть он журчит веселее с каждым днём, с каждым часом, так, чтобы его и вброд не перейти!

Лощенова

В. П. ЕФАНОВ,
народный художник СССР,
действительный член Академии
художеств СССР.

— Как часто нам приходится наблюдать картину, напоминающую «Двойку» Фёдора Решетникова! Только вместо провинившегося школьника стоит потупившийся художник.

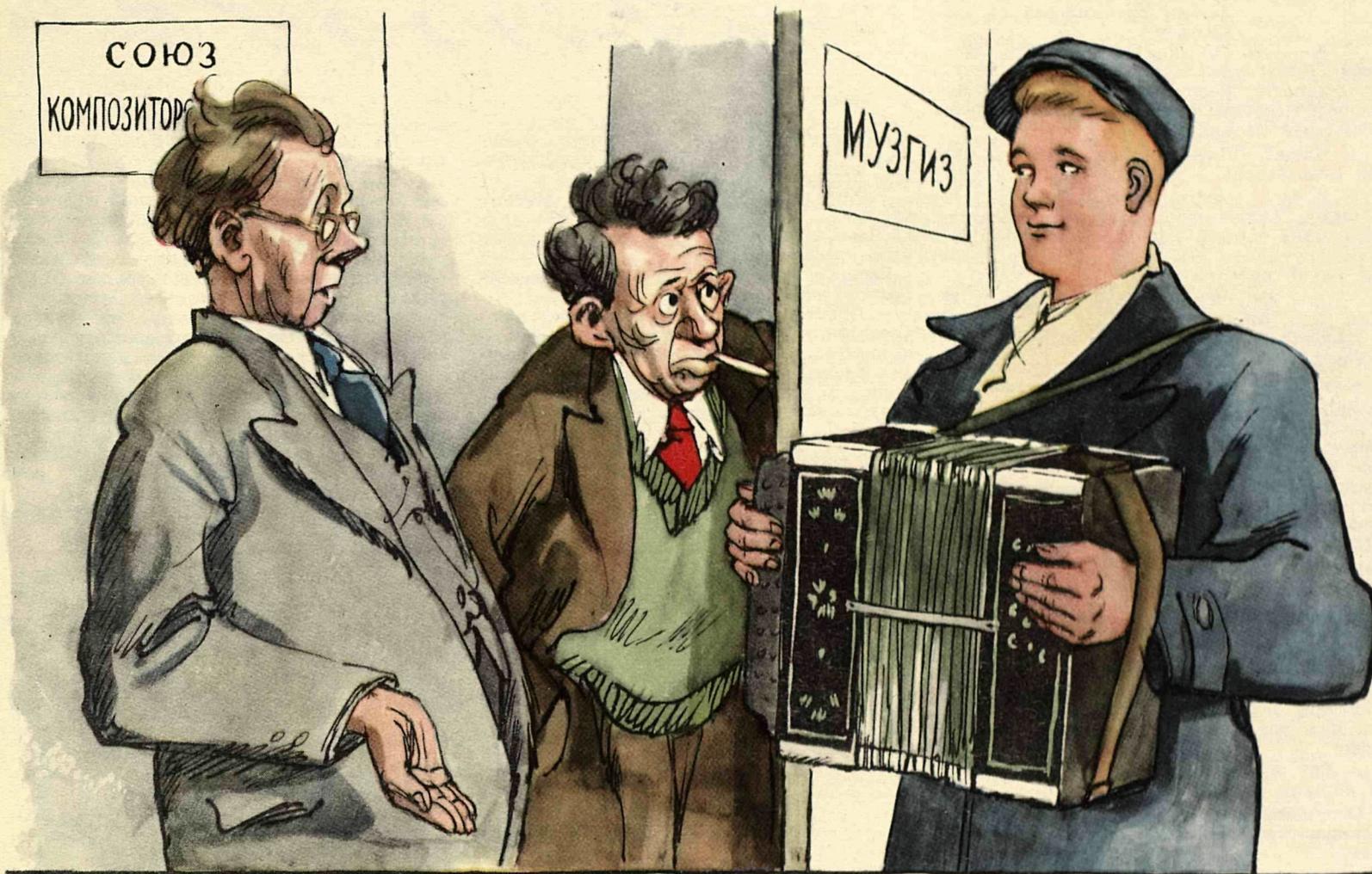
Опять двойка!.. Жюри не приняло картину. В ней снова оказалось много сиропа и мало жизненной правды.

Хочу пожелать, чтобы мы, художники, почаще ходили в гости к Сурикову, Репину, Перову, Федотову, Серову и побольше у них засиживались.

Если учиться у этой пятёрки, то у нас будет меньше двоек!

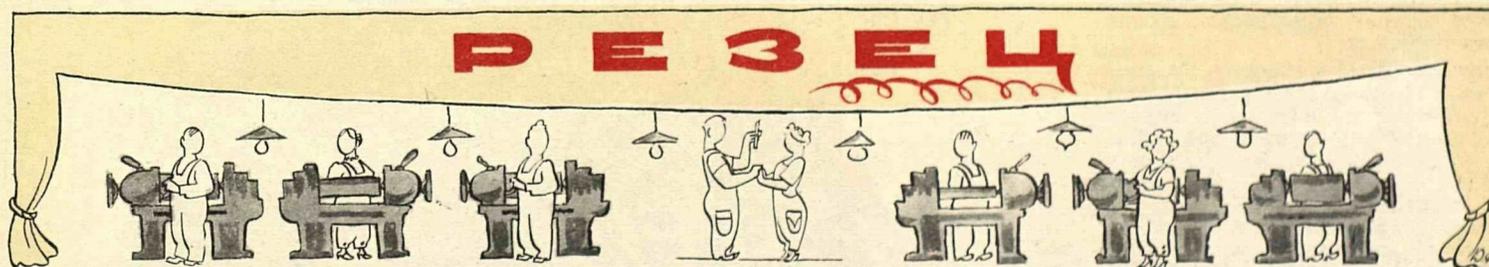
В. Ефанов

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА.

— Ты признайся, чего тебе надо, ты скажи, гармонист молодой?
 — Новых хороших песен.

Ирина ПЕТРОВА

Я токарь. Я привык искусство
 Ценить и уважать, друзья.
 И, как на праздник, с тёплым чувством
 Пошёл в театр недавно я.
 Открылся занавес. Пред нами
 Огромный цех. Огни горят.
 Вдоль цеха стройными рядами
 Станки токарные стоят.
 Снуют рабочие по цеху,
 Стоят другие у станков —
 Идёт работа без помехи,
 Без штурмовщины, без рывков.
 Понять сначала трудновато,
 В чём заключается сюжет,
 Но ясно, что герой — новатор
 И что герою ходу нет.
 Ему не верят в первом акте,
 Но он, как подлинный творец,

Не растерялся и (в антракте)
 Отличный изобрёл резец.
 Вот акт второй. Опять пред нами
 Знакомый цех. Огни горят.
 Опять станки стоят рядами
 И люди у станков стоят.
 Но нынче шумен цех токарный,
 Мрачнее тучи наш герой:
 Пришёл тяжёлый день для парня —
 Погибло всё: резец плохой!
 Подруга в парня крепко верит,
 Но, видим мы, расстроен тот,—
 Она к нему, а он за двери...
 На этом занавес идёт.
 Когда ж героя и подругу
 Соединит порыв сердец?
 Но им влюбляться нет досуга:

Вонзился в сердце им резец.
 И третье действие. Собрание.
 Новатор представляет акт:
 Прошло успешно испытанье
 Его резца (опять в антракт).
 Уже сомнений нет в помине.
 Когда одобрен был резец,
 Герой влюбился в героиню
 И объяснился наконец.

Ничто для автора не ново.
 Ему пошла учёба впрок.
 Он так технически подкован,
 Хоть ставь его за наш станок.
 Но нет к героям интереса,
 И потому, всего скорей,
 На сцене выглядела пьеса...
 Пособием для токарей.

КАБИНЕТ председателя райисполкома входит посетительница — цветущая девушка в пуховом платке. Лицо её, раскрасневшееся на ветру, озабочено, тёмные брови нахмурены. Председатель поднимается ей навстречу:

— Евдокия Григорьевна? Милости просим! Присаживайтесь. По какому делу?

— Здравствуйте, Фёдор Лукич! Присаживаться мне некогда. Дело у меня неотложное. Пойдёмте со мной в загс.

— Ка-ак? — Председателю кажется, что он недослышал.

— В загс, говорю, пойдёмте!

Фёдор Лукич неопределённо улыбается, пожимает плечом. Если Евдокия Григорьевна шутит, то как будто не место, да и не такой она человек...

— Это, собственно, в каком смысле? И для чего, собственно?..

Евдокия Григорьевна нетерпеливо встряхивает головой.

— Я вам говорю, неотложное дело! Вы в загсе давно не бывали?

— Давненько. Да мне, откровенно говоря, без надобности. Регистрировался я со своей Прасковьей Семёновной двадцать пять лет тому назад, разводиться не собираемся. Ну, а коли помру, так уж кто-нибудь другой сходит, позаботится. Но я считаю, Евдокия Григорьевна, что помирать нам рановато.

— Понятно. Вам без надобности. А у меня, понимаете, срочная необходимость. Да и не у меня одной. Ну, что ж, пойдёте или как? Можете вы мне полчаса времени пожертвовать?

— Знатному человеку нашего района, депутату и бригадиру передового колхоза, я и час и даже два могу пожертвовать!

— Вот и спасибо. Надевайте шапку — и пошли.

Она идёт к двери, не оборачиваясь, уверенная, что председатель последует за ней.

— Здесь недалечко, много времени не потребуется.

На дворе осенний, слякотный день. Возле кирпичного здания райисполкома тротуар асфальтирован и подметён. Там, где кончается здание райисполкома, кончается и тротуар. Дальше идут скользкие тропки и рытвины, полные воды. Евдокия Григорьевна и Фёдор Лукич сворачивают за угол и останавливаются перед обширной лужей, в которую понабросаны камни и доски для перехода.

— Э, была не была! — говорит Евдокия Григорьевна и ловко в своих резиновых ботинках перебегает по камням с другой стороны лужи. Фёдор Лукич осторожно следует за ней, соскальзывает с доски и набирает воды в калошу. Подходят к приземистому, неказистому дому. Стены облуплены, перила поломаны.

— Ну как, нравится вам? — через плечо спрашивает Евдокия Григорьевна.

«Пока ничего вопиющего не вижу, кроме перил», — думает председатель, а потому предпочитает молча подняться по щербатым ступенькам.

Из сеней выходит гражданин, сам с собой говорит сердито:

— Новорожденных младенцев за одним столом вместе с покойниками регистрируют! Идешь со всей душой записать нового человека, а тут сплошное расстройство нервной системы...

— Ага! Вот этого я ещё не учла, об этом тоже разговор будет, — говорит Евдокия Григорьевна.

Они входят в небольшую комнату с одним окном. Стол, три стула, в углу чудосочный фикус. На подоконнике рыжий сытый кот намывает гостей. За столом сидит женщина в ватнике, укутанная тёплым платком. Евдокия Григорьевна останавливается посреди комнаты и вопросительно глядит на председателя.

Барвара КАРБОВСКАЯ

Любовь

— Н-да, — неопределённо тянет Фёдор Лукич. — Здравствуйте, товарищ Трофимов! Как будто холодновато у вас тут?

— Холодище, — уныло говорит женщина.

«Что же, однако, дальше?» — недоумевает председатель.

Выводит его из затруднения Евдокия Григорьевна.

— Присаживайтесь, Фёдор Лукич. Вот представьте себе, что мы с вами жених и невеста. Да вы не улыбайтесь, ничего тут смешного нету. Мы приехали на машине, с друзьями, с цветами, в самом подходящем настроении...

— Ну?..

— Ну и вот! Можно ли, по-вашему, зарегистрировать своё лучезарное счастье в такой малокультурной обстановке?

Трофимова обижается:

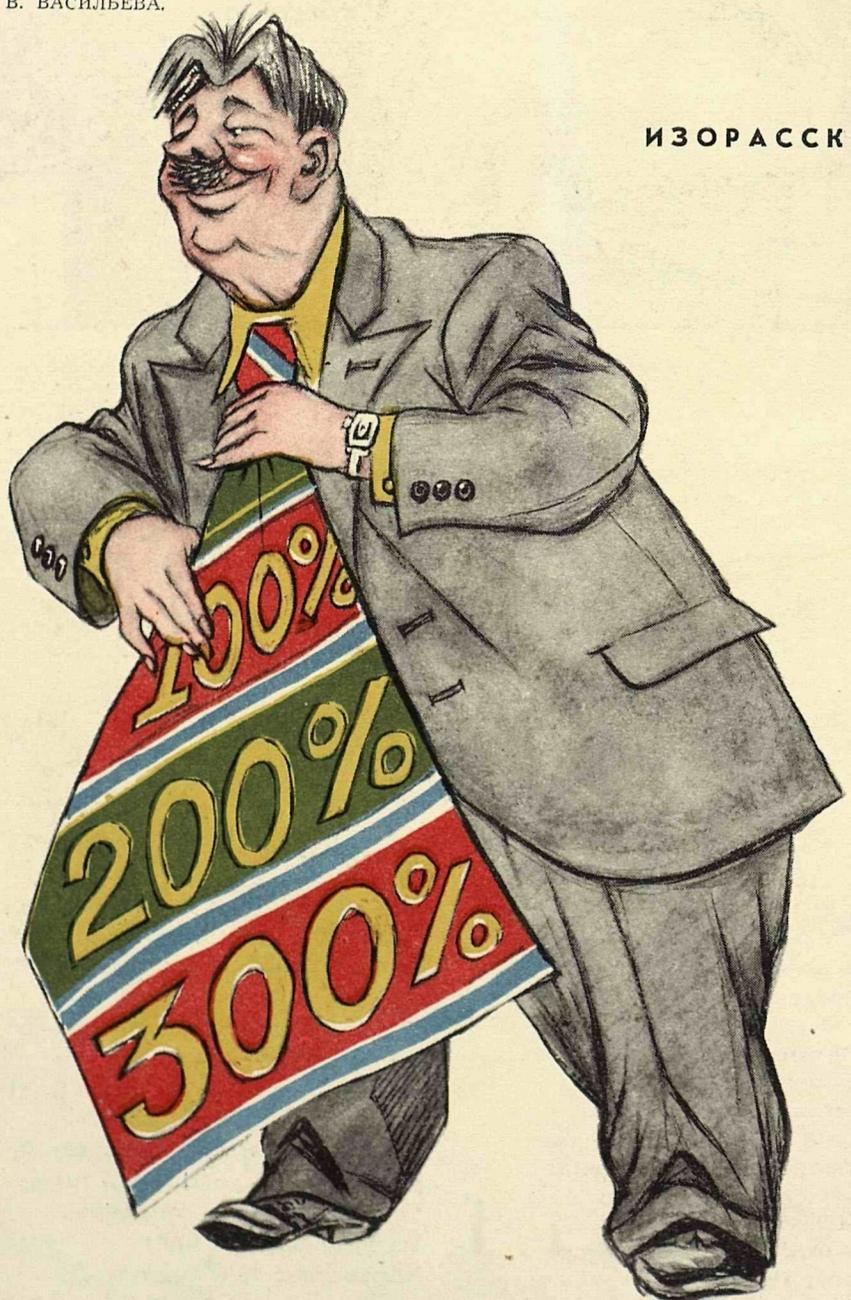
— Не топят, не ремонтируют, чего же вы хотите?

— Вы, товарищ Трофимов, обождите, дайте мне досказать! Для вашей же пользы. Так вот, Фёдор Лукич, я вам отвечу: нет, нельзя! Нельзя здесь регистрировать свою любовь. Здесь что можно: сапожную мастерскую открыть, ателье третьего разряда...

— Позвольте, позвольте! — перебивает председатель. Он уже догадался, к чему клонит Евдокия Григорьевна. Дело ясное, она подбирается к средствам райисполкома, ассигнованным на ремонт и оборудование учреждений. Загс в этом ассигновании не предусмотрен. Солидно кашлянув, он говорит: — Для того, чтобы просто-напросто зарегистрировать акт гражданского состояния...

— Обождите, Фёдор Лукич! Что значит

Рисунок В. ВАСИЛЬЕВА.

ИЗ РАССКАЗ В

Как некий директор швейной фабрики к празднику готовился

не шутка...

акт? Вы Мишу... Михаила Васильевича Веретенникова знаете?

— Кто ж его не знает... Тракторист, незаменимый вратарь районной команды.

— Так вот, имейте в виду, Фёдор Лукич, что для вас он незаменимый вратарь, а для нашей лучшей доярки Валентины Шорниковой он избранник девичьего сердца на всю жизнь! А любовь — это не шутка, Фёдор Лукич!

— И что же из этого следует? Пускай приезжают и регистрируются на здоровье.

— Куда? Сюда?

— А что же? Мы с моей Прасковьей Семёновной, слава богу, двадцать пять лет прожили в мире и согласии, а регистрировались в загсе много хуже этого. Даже без фикуса.

— А ну, давайте я этот фикус сейчас выкину, и безо всякой жалости! — закипает Евдокия Григорьевна. — Что вы равняете? Теперь запросы не те. Народ стал культурный, зажиточный, у нас в колхозе такой клуб, какого у вас в районном центре нет! У нас в колхозе своя оранжерея! Хризантемы, розы, рододендроны в город вывозим! А вы меня фикусом завлекаете!

— Вот и привозите с собой букет этих самых... рррададендр.

— А другие? Они пускай при фикусе регистрируются? А посмотрите на товарища Трофимову, разве у неё подходящий внешний вид? Вы не обижайтесь, товарищ Трофимов, я для вашей же пользы говорю. Сидит в холоде, простудилась, отсырела вся как есть! Нельзя, чтобы влюб-

лённых товарищей поздравляла сотрудница в ватнике и укутанная платком до полной неузнаваемости! А надо как? Нужно её усадить в кресло, за большой, представительный стол, чтобы ковёр был во всю комнату. Одеть её в шёлковое, скажем, синее платье, с кружевами, чтоб вид был торжественный. И чтоб тепло было, а то вот... изо рта пар валит! — Она выпускает из румяных губ облако пара.

Трофимова улыбается, согласно кивает головой; Фёдор Лукич сохраняет на лице спокойствие и даже некоторое равнодушие. В то же время он сосредоточенно думает, как бы не получилось подрыва авторитета. Евдокия Григорьевна продолжает с прежним запалом:

— Обстановку нужно создать! Небось, поп как венчает? В этой... в ризнице!

— В ризе, — поправляет Фёдор Лукич.

— Неважно. Кругом свечи горят, хор поёт. Они знают, чем прельстить. Такую обстановочку создадут, красивее, чем в театре! Вы думаете, Нюрка Мельникова из-за чего в церкви венчалась? Что она, в бога верует? Как же, сейчас! Исключительная свинарка, с профессорами переписывается, ни в какого бога она не верует. А венчалась в церкви, чтоб покрасоваться!

Председатель сердито фыркает:

— Что же вам надо, чтобы в загсе хор «Исайя, ликуй» пел?

— Никакого мне Исайя не надо. А пускай бы радиола была. Чего молодые закажут, пускай им заведут: марши из «Руслана и Людмилы» или Чайковского...

— С ума надо сойти, Чайковского им подавай! А средства?

Но расхоронившую Евдокию Григорьевну унять трудно.

— Мы, например, со своим колхозным оркестром приедем. Он на смотре самодеятельности второе место занял. А где его разместить? А гостей куда? Нет, как хотите, Фёдор Лукич, а вопрос назрел! Невест в колхозах полно, зачем же им при наших материальных возможностях в таком, с позволения сказать, трапезном месте регистрироваться?

— Обождите, Евдокия Григорьевна...

— Я лично, Фёдор Лукич, обожать могу, раньше, как через два года я замуж не собираюсь. Но девчата наши ждать не намерены. А тракторист Михаил Васильевич Веретенников, так тот категорически и принципиально заявил, что дожидаться своего семейного счастья дольше не в состоянии. Вот он к вам заявится, а вы знаете, какой он напористый!

— Как не знать, вратарь районной команды...

Через несколько дней в райисполкоме проходило совещание. Обсуждался вопрос о загсе:

1. Перевод загса в новое, отремонтированное помещение, предназначавшееся первоначально для пивной № 2.

— Без ножа зарезали! А пивную куда?

— Обождите, товарищ Запирухин. На первый план выдвигаются вопросы культурного порядка.

— Даже слышать странно, ей богу. Как будто пивная — малокультурное учреждение!

— Товарищ Запирухин, я вам слова не давал!

2. Приобретение инвентаря для загса, как то: радиолы, ковра, дубового письменного стола, портьер, трюмо и цветов.

Общая сумма расходов выразилась довольно внушительной четырёхзначной цифрой. Но когда главный бухгалтер попробовал возразить, Фёдор Лукич пронзил его начальственным взглядом и произнёс тоном, не допускающим возражений:

— Этот вопрос назрел, товарищи! Теперь запросы у населения не те, что были двадцать пять лет назад. Народ стал культурным, зажиточным. И вообще, — он строго постукал карандашом по столу, — вообще любовь — это не шутка, товарищи!

ДВУХ КАРТИНКАХ

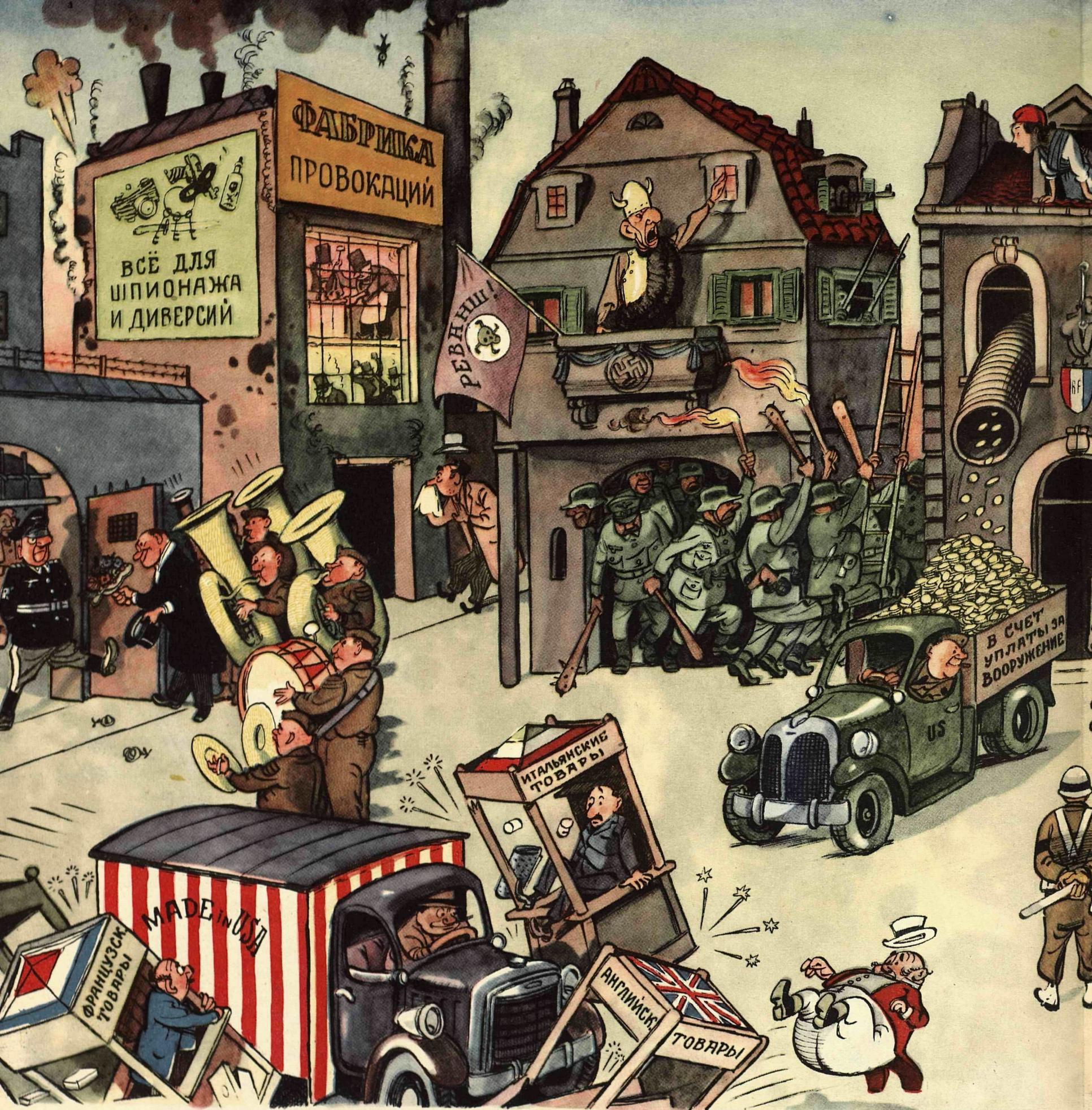

Рисунок Ю. ГАНФА.

Заглянем в этот тупичок! Уютная, несколько старомодная и милая улочка, не правда ли? На первый взгляд всё в ней дышит благопристойностью, всё исполнено приличия. Опрятные домики. Аккуратно подметённые тротуары. Пахнет цветочками. Где-то играет мелодичная музыка, и кто-то поёт чувствительную арию. На балконе воркует влюблённая парочка, а внизу стоят такие чистенькие, такие приличные господа, каким, право, место не на мостовой, а лишь в каком-нибудь дипломатическом департаменте. Чудесный тупичок, что и говорить!

Но, боже, как порой бывает обманчиво первое впечатление! Никогда не доверяйся ему, дорогой читатель! Давай пройдемся по этому северо-атлантическому тупичку. Ба, да здесь вовсе не так чисто! И пахнет не цветочками, а гарью, железом и кровью! И музыка совсем не та! Режут трубы, визжат флейты, гремят барабаны. Это западногерманский оркестр встречает очередного выходца из тюремной одиночки. По его бандитской рожке нетрудно догадаться, что выпущен-

ный на волю был отнюдь не «белой лилией, возвращённой на лоне тихих вод», а матёрым военным преступником, мастером освенцимской печи и душегубки.

А гарью и кровью несёт из «фабрики провокаций», продукция которой, как известно, находит сбыт главным образом в Западной Германии и Южной Корее. Кстати, выпущенный на свободу немецкий эсэсовец будет встречен здесь американскими гестаповцами Аллена Даллеса с распростёртыми объятиями.

Чистенький господинок, поющий чувствительную арию, при ближайшем рассмотрении оказывается весьма нечистым господином Аденауэром. И поёт он не арию, а марш «Германия превыше всего, кроме Америки...». И под звуки этого марша хорошо накормленные и экипированные громилы спешат к своей французской соседке, чтобы выразить ей чувства трепетной дружбы и любви до гроба... Соседка, однако, догадывается, о каком гробе идёт речь, и поэтому с тревогой прислушивается к грохоту солдатских сапог. А в это время внизу машина американской «помощи» накачивает по трубе золото в дом, чтобы

немедля — и с процентами! — выкачать его обратно. Таким образом, прекрасной обительнице особняка остаётся лишь вдыхать символический запах призрачной помощи, а также подсчитывать убытки.

Рядом мы видим влюблённую испано-американскую генеральскую парочку. Они сидят, тесно прижавшись друг к другу. Воркуя и потя от счастья, они глядят, как из США подвозится всё необходимое для их семейного авиабазового гнездышка.

На заднем плане высится пожарная каланча. На ней дежурные из команды «Поджигатель». Смотрите, как они бдительно несут службу! Как сверлят глазами горизонт! Стоит им только увидеть, что где-то начинает гаснуть пламя войны, — они тотчас поднимают тревогу.

Чуть правее здание типично северо-атлантической кладки. Здание от подвала до верхнего этажа забито оружием, и лишь одна комнатка (отмечена крестиком) для приличия пустует, она якобы сдаётся под мирные цели. Но какой

миролюбивый жилец согласится жить среди дальнобойных орудий, бомб и пороха?

Вблизи, на площади, видна «лужа прессы». В ней с наслаждением плещутся различные продажные газетные доллароядные, которые тут же выкармливают своих уток. Впрочем, впоследствии это не помешает им уверять читателей, что их утки вовсе не утки, а правдивая информация, добытая из источника, достоверного и чистого, как слеза младенца.

А вот и чистенькие господинчики, похожие на дипломатов. Они и впрямь северо-атлантические дипломаты. Ввиду забастовки водителей автотранспорта господа вышли на дорогу в надежде подхватить машину. Обратите внимание, как дружно голосуют они. Вот что значит длительная практика, приобретённая в стенах некоторых международных организаций! Дипломаты так увлечены привычным для них занятием, что не слышат даже грохота, который доносится слева. А там происходит «дружественное» проникновение американских товаров на европейский рынок...

Вот мы и обошли весь северо-атлантический тупичок.

«Неважно, о чём идёт речь в книге,— о шахматах или об уходе за золотыми рыбками. Если автор известен, как коммунист, его книга подлежит изъятию».

«Нью-Йорк таймс»

ПОД литературно-уголовным названием «Клеймение книг» американский журнал «Нью-Йорк таймс мэгэзин» недавно поместил статью своего корреспондента Стэнли Уолкера из города Сан-Антонио. Статья написана в будничном хроникёрском духе. Между тем она повествует о событиях необычных, почти неправдоподобных, но для нынешнего американского общества типичных.

Ещё недавно миссис Мертил Гласкок Хэнс ничем не выделялась из среды домашних хозяек Сан-Антонио. Круг её интересов был замкнут кухней, спальней и детской. Она вязала тёплые набрюшники мужу, отдавала боковые приказы кухарке и ходила на чашку кофе к знакомым дамам. Книги по домоводству были для неё несравненно глубже шекспировских трагедий, журналы мод — выше философских трактатов. Она не вмешивалась в политику: политика — мужское дело. По вечерам миссис Хэнс входила в детскую с колыбельной песенкой:

Спите, дети, в добрый час:
Трумэн думает за нас...

Резкий перелом в образе жизни этой домохозяйки обозначился в самую последнюю пору. Внезапно она появилась на арене общественной жизни. Её имя стало фигурировать в городской хронике Сан-Антонио. Перед нею раскрылись двери мэрии. Мэр города Джек Уайт принимает миссис Хэнс и ставит на публичное обсуждение её доклад, посвящённый животрепещущей проблеме борьбы с «опасными мыслями». Миссис Хэнс чувствует себя Жанной д'Арк XX столетия. Самопровозглашённое призвало её уберечь город Сан-Антонио от «красной опасности»...

Миссис Хэнс — убеждённая христианка. Она верит в господа бога, обитающего, как известно, на небесах. Она верит и в заместителей бога на земле. Сенатор Джозеф Маккарти, несомненно, причисляется ею к сонму архангелов, призванных спасти Америку от

коммунизма. Миссис Хэнс по меньшей мере политически влюблена в сенатора из Висконсина. Его иступлённое кликушество произвели на почтенную матрону из Сан-Антонио неотразимое действие. Охладев к семейному очагу, она вступила в национальную организацию, носящую ура-патриотический титул «Женщины-солдаты народной милиции».

Для несения служебных обязанностей в этой организации нужны в первую очередь здоровые бицепсы и зычный бас, дабы наводить ужас на старух и детей. Но миссис Хэнс хочет служить святому делу защиты Америки своим тонким интеллектом. Поэтому она вошла в Библиотечный совет города. И, как деятельница этого совета, немедленно представила городским властям доклад о вредных и опасных для бытия американского народа книгах. Докладчица предложила ставить на подобных книгах особое клеймо «такого размера, чтобы его сразу можно было заметить». Клеймо должно быть красным. Красный цвет — сигнал об опасности. Красный цвет светофора предупреждает зазевавшегося пешехода о том, что он может попасть под колёса авто. Красный цвет на переплёте открывает читателю глаза на ту духовную диверсию, жертвой которой он немедленно станет, едва взглянув в книгу.

В список книг, которые, по мнению Хэнс, подлежат обязательному клеймению, внесены имена не только авторов, являющихся, по несчастью, современниками американки. Поэт Джеффри Чосер жил и писал шесть столетий тому назад, когда в США ещё не было коммунистической партии, да не было, кстати, и самих США. Тем не менее на книгу «Кентерберийских рассказов» Чосера, которого по праву называют отцом английской поэзии, миссис Хэнс требует поставить запретное клеймо. Оказывается, покойный Джеффри Чосер вдохновил нашего современника, американца Рокуэлла Кента, сделать новые рисунки к его классическим текстам. А художник Рокуэлл Кент, как жется, связан с коммунистической партией. Этого «кажется» вполне достаточно, чтобы предать анафеме не только ныне живущего американского художника, но и английского поэта XIV столетия.

Впрочем, Чосеру грозит та же участь и без Рокуэлла Кента. Как поведал журнал «Нэйшн», в штате Джоргия, например, есть «литературная комиссия в составе трёх человек, занятая в настоящее время чтением Чосера, чтобы решить, следует ли наложить запрет на его сочинения». Стоит представить себе три лысины отставных полисменов, склонённые над поэтическими страницами! Стоит вообразить, с каким тупым и зверским выражением вынюхивают они «крамолу», эти литературные критики с солидным стажем держиморды!

Госпожа-городовой из Сан-Антонио заявляет о себе, что она «не учёный доктор философии». Она по-настоящему гордится тем, что «никогда не претендовала на хорошее знакомство с литературой и книгами». Поэтому доводы и аргументы её не затрудняют. Она просто представляет городскому начальству список пятисот книг и требует предать их клеймению, «держат и не пущать». Вот и всё.

Между прочим, лавры миссис Хэнс нарушили сон одного из видных капиталистов города. Тот нашёл способ, предложенный домохозяйкой, недостаточный радикальным. Он предложил более решительный метод. «Он сторонник сжигания», — сообщает Уолкер, — и с нетерпением ждёт момента, когда он сам подождёт костёр». Книги, сокровища человеческого духа, надо бросать в костёр, надо жечь их на огне, а пепел развеивать на все четыре стороны. Сан-Антонио, который, по словам Уолкера, «знаменит своей терпимостью к инакомыслию», должен немедленно подтянуться до антикоммунистического уровня других городов и штатов страны.

Действительно, в Северной Каролине и в Оклахоме уже происходили аутодафе: горели книги. Благословение на этот акт поджигатели костров получили не только от Маккарти, но и от духовного лица, возглавляющего в Чикаго епархиальный совет католиков, отца Томаса Фитцджеральда. Сей священнослужитель, неусыпно пекущийся о сво-

ей читающей пастве, самолично составил список книг, которые, по его мнению, должны быть теми или иными способами истреблены на территории США, чтобы и духу их не осталось...

Правда, по мере углубления американских рыцарей психоза в джунгли варварства должен материально страдать сенатор Маккарти. Ведь известно, что за каждую проверенную им лично «под углом зрения подрывной деятельности» книгу достойный сенатор получал тысячу долларов. А теперь придётся делиться гонораром с другими литературными сыщиками. Придётся платить и миссис Хэнс из Сан-Антонио, и главе католической епархии в Чикаго, и начальнику полиции в Кливленде, запретившему продавать даже книгу Апулея «Золотой осёл».

Воображение наше подсказывает сцену, происшедшую в полицейском участке.

— Апулей? Гм... — разглядывает полисмен книжку, доставленную ему духовной дочерью чикагского епископа. — Кто таков? Коммунистов с этим именем нет в нашем штате...

Дама, конечно, «Золотого осла» не читала, блюдя свою нравственность, но — «Вы только представьте, мистер полисмен!» — эта книжка была в руках одного русского, которого зовут Александром Пушкиным. А этот Пушкин легкомысленно выдал себя с головой, написав такие строки:

В те дни, когда в садах Лицея
Я безмятежно расцветал,
Читал охотно Апулея,
А Цицерона не читал...

Полицейский чин принимает позу боевой готовности:

— Америка благодарит вас, мадам, за этот патриотический подвиг. Показаний русского Пушкина вполне достаточно, чтобы изгнать «Золотого осла» из наших хлев... я хотел сказать, библиотек. О'кей!

Запрещён Шекспир как «мастер непристойностей». Запрещаются и изымаются не только «красные», не только классики, но и «розовые» (как выражаются в свите Маккарти), то есть даже те книги, в которых есть какие-то полунамёки на полулиберальное настроение автора.

Книги-преступники, хотя и заклеенные, остаются в живых. Это — опасное благодушие. Следует предавать их смертной казни. И книги горят. От клеймения через запрещенные к сожжению — путь буржуазной американской культуры.

Неистовое усердие полицейских в штанах, в юбках, в епископских мантиях пугает сегодня даже тех американцев, которые отнюдь не могут быть заподозрены в симпатиях к коммунизму. Журналист Дрю Пирсон, наживающий политический капитал на «разоблачениях» высшего американского света, напечатал в газете «Вашингтон пост» статью под заголовком «Европа считает, что Соединённые Штаты идут к фашизму». Дрю печалится, что «в европейской печати освещаются все подробности сожжения нами книг». Перечисляя деяния борцов с «опасными мыслями», тревожась, что эти борцы уже идут брат на брата, изымают из библиотек книги, написанные ими самими, Дрю Пирсон приходит к выводу:

«Европейцы рассматривают это как такую же чистку идей, которая предшествовала захвату власти Гитлером».

Что верно, то верно!

И. РЯБОВ

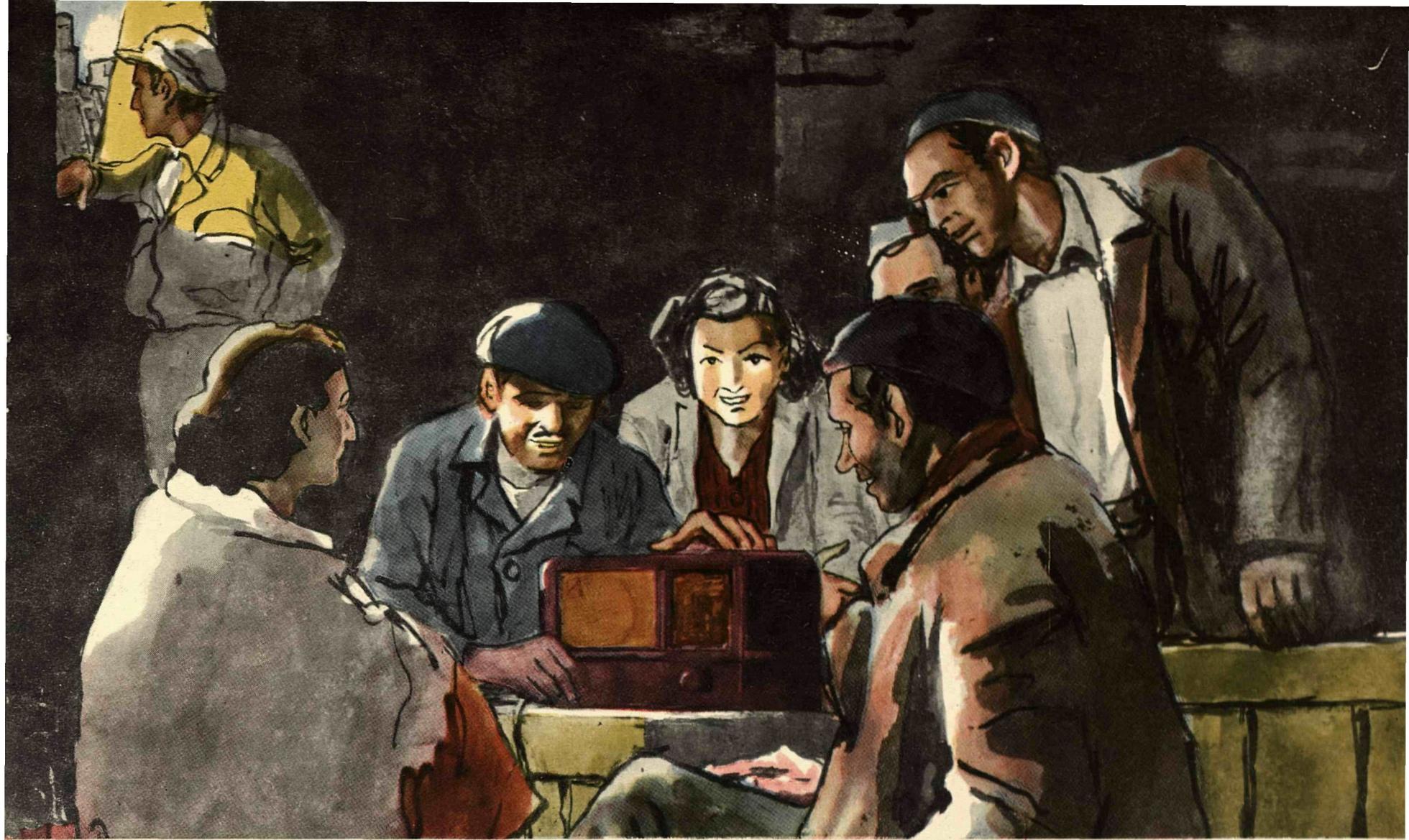

Рисунок Л. БРОДАТЫ.

ВНИМАНИЕ! ГОВОРИТ КРАСНАЯ ПЛОЩАДЫ..

— Вот и мы включились в демонстрацию.

Тэд ТИНСЛИ

Как спасти **СЕБЯ** от атомной бомбы

Иной раз меня так и подмывает поведать вам о новейших способах защиты от атомного излучения.

Надо сказать, что жители больших городов не в восторге от тренировок по противоатомной защите; от пластических «атомных обезьян», предназначенных для того, чтобы прикрывать человеческие тела или ценные бумаги, вроде документов на скидку налогов со сверхприбыли; им осточертели пакеты скорой противоатомной помощи, содержащие бинты и таблетки аспирина; наконец, они устали от «укрытий», которые слишком похожи на коридоры обычных зданий.

Я даже получил письмо от одной частной компании, которая выдолбила пещеру в громадной скалистой горе. Мне предлагалось сдать на сохранение в эту надёжную противоатомную пещеру ценные бумаги, вроде моей родословной. Говорят, это — самое безопасное место во всей Америке. А поэтому и не удивительно, что оно предназначено для хранения акций и облигаций, а не для спасения людей (ведь люди занимают так много места!).

Недавно городской инспектор Лос-Анжелоса предложил более удобное и гуманное средство. Он говорит, что в случае атомной атаки одним из наиболее безопасных мест будет любой автомобильный туннель, ибо окись углерода, скапливающаяся там, повышает сопротивляемость человеческого организма атомному излучению.

Вообще-то говоря, человек глотает окись углерода в том случае, когда ему уже надоело жить. Но, поучает инспектор, если вы будете аккуратны и вдохнёте в себя как раз столько окиси углерода, сколько нужно для того, чтобы стать трупом ровно наполовину, эта мера возымеет нужное действие. Будьте уверены, после этого никакие атомные излучения вам уже не будут страшны.

Тем, кто не сможет найти поблизости автомобильный туннель во время атомного нападения, инспектор Лос-Анжелоса предлагает «просто прикрывать свои головы свинцовым щитом толщиной в $\frac{3}{4}$ дюйма».

Само собой разумеется, что подобный свинцовый щит человек должен постоянно иметь при себе. Действительно, представьте себе, в какое затруднительное положение вы попадёте, если атомное нападение захватит вас где-нибудь на улице, а у вас не окажется с собою спасительного свинцового щита! Но таскать его всюду на руках довольно

трудно и утомительно. А посему я предлагаю, чтобы правительство снабдило каждого из нас тачкой.

Если же поблизости нет ни автомобильного туннеля, ни просто окиси углерода, ни свинцового щита, вы должны, по совету инспектора, спасти свою жизнь путём принятия предписанных доз медикаментов, в том числе соли цианистой кислоты.

Итак, всё ясно: чтобы спасти себя от атомной бомбы, нужно сидеть в автомобильном туннеле со свинцовым щитом на голове, вдыхать окись углерода и пить соль цианистой кислоты. Если вы в точности исполните все эти указания, вам не будет страшно уже ничто на свете.

Все эти советы высказал в интервью с инспектором доктор Дж. Гарротт Аллен, преподающий в медицинской школе при Чикагском университете, за что благодарные сограждане должны выразить ему глубочайшую признательность.

Профессор радиобиологии Стэнфордского университета доктор Роберт Р. Ниуэлл из Сан-Франциско высказал по этому вопросу несколько иную точку зрения. Он предлагает, чтобы люди разгуливали голыми под дождём, если дождь идёт во время или сразу же после разрыва атомной бомбы. В докладе доктора Ниуэлла говорится, что в случае взрыва бомбы во время дождя «нужно ходить под дождём голым с тем, чтобы к телу ничего не прилипало. В этом случае лучше ходить в ботинках».

Итак, не забудьте надеть ботинки!

(Если последовать этому совету, мы уж, во всяком случае, хоть изучить друг друга сумеем как следует!)

Внимание! Напоминаю ещё раз, чтобы вы лучше запомнили: со свинцовым щитом над головой идите голыми под дождём до ближайшего автомобильного туннеля, затем вдыхайте окись углерода и пейте чудесную соль цианистой кислоты.

Ох, если бы я знал, что хоть какая-нибудь из этих мер является действительной защитой от внешней политики нашего правительства! Я бы непременно её испробовал.

Перевод из американской газеты «Дейли уоркер».

Сатира ЗА РУБЕЖОМ

Ludas Matyi

«Лудаш Мати» — венгерский сатирический журнал.

Ось Вашингтон—Бонн в действии.

Fischer Wind

«Фришер Винд» — сатирический журнал Германской Демократической Республики.

Результат выборов в Западной Германии.

Радован КРАТКИЙ

РАЗДЕЛЁННОЕ ЧУВСТВО

ДИКОБРАЗ

История знает нескольких знаменитых покорителей женских сердец. Я хочу представить вам ещё одного.

Я не уверен, однако, что сравнение Дон Жуана с Ладиславом Славиком будет в пользу последнего. А впрочем, кто знает, в каком положении оказался бы тот же Дон Жуан, если бы он работал редактором стенной газеты!

Во всяком случае, я очень доволен, что могу сказать о Славике: это славный, работающий юноша, добросовестный, честный и вообще положительный. Надеюсь, ни один критик не посмеет сказать, что герой, наделённый подобными качествами, не подходит для рассказа...

Но был у Славика и один крупный недостаток. Занимая ответственный пост редактора стенной газеты, он имел неосторожность влюбиться сразу в двух девушек. К счастью (для нашего повествования), обе они не были замужем. Одну звали Либуша Бачкова, другую — Драгомира Мышкова. Обе были очаровательны и работали на заводе крановщицами. И обе частенько поглядывали на Ладислава Славика — скромного работника планового отдела, усердного, усидчивого и т. д.

Славик сам клеил, резал, рисовал, писал статьи и затем сносил придирки, если эти статьи были критическими, или, в свою очередь, подвергался критике, если они не содержали оной.

Однажды секретарь комсомольской организации отозвал Ладислава в сторону и сказал:

— Послушай, Ладо, ты плохо популяризируешь наших передовых работников. Посмотри-ка, например, как Либуша парит на своём подъёмном кране, что твой ангел! Надо бы её поместить в стенгазету.

— Я сам уже давно об этом думаю, — покраснев, признался Славик.

— Ну, вот видишь, — отозвался секретарь. — Помести, значит, её фотографию. Но сделай это так, чтобы у каждого появилась охота стать таким же отличным работником, как она. Чтобы в душе каждого, кто на неё взглянет, что-то переломилось бы и он сказал бы себе... Ну, ты меня понимаешь, конечно...

Именно потому, что Ладо всё понимал, он призадумался. Однако редактором он был сознательным и поэтому фотографию крановщицы Либуши Бачковой в стенгазету поместил.

На другой же день случилось то, чего Ладислав тайно опасался. Либуша с одной стороны улыбнулась ему так, что голова у него закружилась, а Драгомира с другой стороны так взглянула на него, что голова начала кружиться в обратную сторону.

— Так, значит, всё было только флиртом? — ледяным тоном спросила она.

— Либуша порхает, как ангел, — храбро ответил Ладислав, вспомнив выражение секретаря. А про себя подумал: «Вот оно, уже начинается! А я ведь ещё не решил, которой из них признать в своих чувствах! Вдруг выяснится, что я больше люблю Драгомиру?»

Дня через два снова приходит секретарь и говорит:

— Видел, как стенгазета действует? До сих пор перед ней народ толпится. А, главное, Драгомира, увлечённая либушиным примером, работает, прямо как в песне! Надо бы тебе поместить её фотографию и подписать: «По примеру...» или что-нибудь другое в этом роде.

Остаток дня Ладислав Славик тихо прострадал. Однако на другой день всё-таки вывесил портрет Драгомиры с соответствующим текстом.

— Что это должно означать? — вкрадчиво спросила у него Либуша во время обеденного перерыва.

— Она увлечена твоим примером, работает, как в сказке, — упавшим голосом ответил Ладислав.

И с этого дня Ладислав Славик начал жить, обогреваемый двусторонними улыбками.

Но он не был счастлив, как это могло показаться. Одну неделю лучше работала Либуша — он помещал её портрет. Другую неделю Драгомира — её портрет. И так далее.

И в то время как девушки соревновались, он говорил себе:

«Либуша хороша, но прекрасна и Драгомира. Либуша мне улыбается, но и Драгомира тоже. Помещаю Либушу — начинает Драгомира летать на своём кране, как ангел; наклеиваю Драгомиру — Либуша начинает летать, как архангел. Что же мне делать? Я со своими интимными чувствами просто помогаю развитию соревнования между этими девчатами, и не больше. Всё в общем благополучно, потому что они подруги. Глубина моих чувств им неизвестна. Они просто соревнуются, а я страдаю! Какую из них всё-таки выбрать? Которая меня сильнее любит? Или которую я сам сильнее люблю?»

— Послушай, брось ты мучиться с этими девушками, — сказал как-то Ладиславу секретарь. — Почему бы тебе не поместить их в газете обеих сразу?

— Я уже давно об этом подумываю! — обрадованно подхватил Ладислав и тотчас же наклеил обе фотографии с соответствующим текстом. А про себя подумал: «В понедельник — ибо все великие дела начинаются в понедельник — решу. Увижу, на которую я произвёл большее впечатление».

В субботу вечером Ладислав отправился в кино.

Размышляя, которую из двух крановщиц ему в конце концов избрать, он вдруг увидел и Либушу и Драгомиру, идущих под руку с двумя пренебрежительными хлопцами. Впрочем, судя по улыбкам, какими одаривали их Либуша и Драгомира, сами девушки были об этих парнях несколько иного мнения.

Перевод из чехословацкого сатирического журнала «Дикобраз».

Рисунки И. СЕМЕНОВА.

По случаю какого-то семейного торжества молодой поэт Евгений Тихий появился в доме своих дальних родственников. Среди приглашённых оказался и довольно известный композитор Орест Колокольцев.

Евгения тотчас же представили Колокольцеву. Юный стихотворец робко пожал тонкую, нервную руку композитора. Колокольцев обладал начинающего поэта, мило похвалил его стихотворение «Встреча», напечатанное в толстом журнале.

За чашкой чая зашёл оживлённый разговор о поэзии, музыке. Потом Евгения заставили прочесть новые стихи из лирического цикла. Стихи произвели впечатление.

Прощаясь, именитый композитор устался долгим, загадочным взглядом на юношу.

— Вот что, — вдруг предложил он, — приходите завтра ко мне. Запросто. Без церемоний. Как творец к творцу. Если у вас появится желание, мы вместе кое-что работаем. Мне нужен свежий текст.

Сердце Евгения затрепетало от гордости: он создаст песню с самим Колокольцевым!

По дороге домой он уже отчётливо представлял себе, как это будет. Он принесёт свою «Балладу о любимой». Композитор выслушает, попросит прочесть ещё раз, потом, словно очнувшись, проведёт своими длинными, сильными пальцами по вискам и, что-то напевая под нос, повернётся к роялю. Аккорд, другой — и вот уже первая строфа баллады облекается в мелодичный музыкальный покров.

В назначенное время Тихий стоял в дверях квартиры композитора. Колокольцев, в пёстром халате, свежесбритый, принял молодого поэта, как равный равному.

— Орест Викторович, — голос Евгения дрожал, — для начала я принёс на ваш суд «Балладу о любимой». Я хотел...

— Чудно, чудно! Я давно мечтал о балладе — нашей, советской, боевой... Читайте, дорогой мой.

Евгений, ободёранный этими словами, прочёл свою балладу.

— Чудно! — снова повторил Колокольцев, но против ожидания молодого поэта он не провёл длинными, сильными пальцами по вискам, не повернулся к роялю, вдохновлённый прочитанными стихами. — Видите ли, юноша, — сказал он, — ваша баллада мне нравится. Она трогает. Будит чувства. Волнует. Но, так сказать, в индивидуальном порядке. В массовом же — она не пойдёт. «Баллада о любимой»... Но о какой конкретной любимой идёт речь? Вы даже имени не называете. Так нельзя. Песни строятся именно по именному принципу: «Татьяна, эти дни золотые», «Маруся отравилась», «Саша, ты помнишь наши встречи», «Люба-Любушка, Любушка-голубушка» и так далее. От «А» до «Я» все женские имена уже замузичированы.

Увидев, как расстроился Евгений, Колокольцев взял его за обе руки, тепло посмотрел в глаза.

— А вы не огорчайтесь. Я сказал, что мы с вами будем работать, — значит, будем. Вот послушайте...

И, круто повернувшись к роялю, он ударил по клавишам. Мажорные звуки поплыли по комнате. И так же внезапно композитор оторвал пальцы от клавиатуры.

— Что это? — удивился не искушённый в музыке Евгений.

— Новая песня. Но пока без слов. А слова мне необходимы вот так, — Колокольцев чиркнул ребром ладони по горлу. — Вот вы мне их и напишете.

Евгений густо покраснел.

— Но я... не знаю нот, а слух у меня того... Я не запомню.

— Пустяки, — рассмеялся Колокольцев. — Я вам уже приготовил «рыбу».

— Какую «рыбу»?

— Да вы что, с луны свалились? Не знаете, что такое «рыба» в нашем композиторском деле? Это абракадабра, словесный набор, подогнанный под мелодию, необходимое пособие для текстостиков.

Но так как Евгений ничего не понял, Колокольцев решил теоретическую часть проиллюстрировать доходчивым примером.

— Вы, конечно, знаете песню «Что стоишь, качаясь, тонкая рябина». Допу-

стим, я написал её музыку, но слов ещё нет. Тогда я заказываю вам текст, а чтобы вы были в курсе ритма, размера, подгоняю под готовую музыку «рыбу»:

Что блестяшь, селёдка,
Тонкая, сухая,
Может, завтра вобла
Та-та, ти-та, та-я...

Евгению эта дурацкая абракадабра показалась чудовищным святотатством по отношению к прекрасной песне. Но он постыдился высказать это вслух, только молча кивнул головой: мол, всё понятно.

— Ну и чудно! — потрепал его по плечу Колокольцев. — Я же сказал, что у нас дело пойдёт. Теперь конкретно. Запишите «рыбу» к песне, которую я вам только что наиграл:

Бежала собака, эх, да собака,
Вдоль да по зелёной мураве.
А кругом тарелки, а кругом горелки,
Эх, да ёлки-палки на траве.

И припев:

Сухарики, сухарики
Мо-чё-ны-е.
Сухарики по вкусу мне
Тол-чё-ны-е-е-е!

— Но на какую тему писать текст? — взмолился Евгений.

— А это уж смотрите сами. На то вы текстостик. Мои же требования: слова должны отображать то, что я хотел запечатлеть в музыке. Поступательное движение вперёд. Молодость! Задор! Желательно, чтоб в тексте была железнодорожная фактура с учётом того, что песня заказана железнодорожным ансамблем. Вот и всё. Идите. Творите. Звоните.

Три дня Евгений бился над текстом песни, подгоняя его под «рыбу». Пот градом катился у него со лба, на глазах блестели слёзы. И всё же он создал неплохие стихи. Прочитав написанное, он повеселел. «Вот что значит быть поэтом!» — подумал он с гордостью и побежал к своему музыкальному напарнику.

— Чудно! Вы сделали именно то, что мне хотелось, — сказал Колокольцев после того, как ознакомился с текстом песни «Гудок паровоза, знакомый гудок». — Но у меня появилась идея. Припев суховат. Я бы его сделал так, — он грохнул по клавишам. — Понимаете, в чём соль? Припев будет лучше звучать, если дать следующую «рыбу»:

Сухари вы, сухари,
Никогда мочёными вам не бывать,
Эх, да вы по вкусу Васе, а не мне.
Ну и наплевать!

Работа пустяковая. Переделайте. Звоните. Приходите.

Евгений переделал. Ничего не попишешь: композитор требует, ему виднее.

Вслед за припевом Колокольцев потребовал переделать и первый куплет. Он сам приложил руку к стихам, после чего появилась строка: «Это пар даёт наш знатный ма-эх-машинист!»

Евгений долго боролся с композитором, умолял, доказывал, что строка неграмотна, нелепа, но Колокольцев был неумолим. — Вы ещё новичок, а потому так переживаете. Ничего. Пообвыкните. Притрётесь. Запомните: главное, чтоб музыка была доходчива, тогда и «пар эх-машиниста» проглотят. Примут. Будут петь!

Наконец наступил день, когда Колокольцев одобрил окончательный вариант. Как он был не похож на первый, написанный собственноручно молодым поэтом!

— Поздравляю с босвым крещением! — сказал Колокольцев покрасневшему, не знавшему, куда деть глаза от стыда, Евгению. — Мы с вами здорово сработались. Песня пойдёт!

И она действительно пошла! В утренней радиопередаче сразу же после урока гимнастики. В литературно-музыкальной композиции «Молодёжная-подорожная». Кроме того её на корню купил клуб какого-то железнодорожного узла.

А Евгений, что же он? Ничего, присободрился, когда получил гонорар за текст. Правда, он побаивался, что вместо ведомости ему вручат повестку в суд за нанесение тяжёлых увечий стихотворному слову. Но всё обошлось...

...Недавно я встретил Евгения Тихого. Исполнял. Раздался в плечах. В толстых журналах больше не печатается. Пишет тексты под «рыбу». Судится с Музиздатом за неоплаченные восемь строк. От бывлой робости ни следа. Знакомясь, больше не краснеет, первый суёт руку:

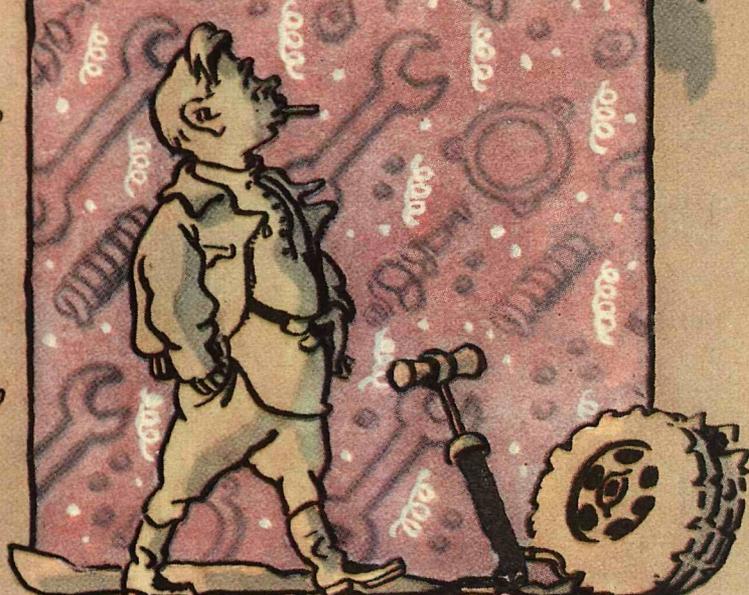
— Поэт-песенник Евгений Тихий!

МЕНЮ
ЧАЙ
КОФЕ
100р.
150р.
200р.

Образец обоев для кабинета заведующего областным отделом торговли. Обои будут ему напоминать, что, кроме водки и пива, в сельских чайных должен существовать ещё и чай.

Образец обоев для заведующего конторой «Автомобильной». Бордюр и обои не дадут ни на минуту забыть о важности запасных частей.

Обои для кабинета председателя облместпрома. Бордюр из пейзажей родной области напоминает о местных ресурсах.

Обои для комнаты заведующего областным управлением сельского хозяйства и заготовок, у которого не решены ещё многие вопросы животноводства. Хорошо нарисованные голодные животные в сочетании с неубранными кормами на бордюре удачно гармонируют с деятельностью вышеупомянутого заведующего.

крокодильские ЧАСТУШКИ

Рисунки Ю. ФЕДОРОВА.

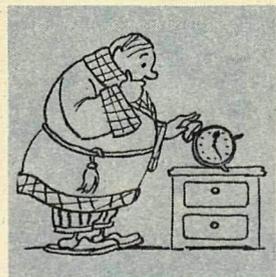
Чтоб частушки по порядку
Всенародно огласить,
Растянул бы я трёхрядку,
Только где её купить?..

В ателье меня одели,
Право, ждал я лучшего:
Я от этой модели
Стал похож на чучело.

Смазать ось задумал дед,
А колёсной мази нет.
Продавец сельпо был мил:
Мазь помадой заменил.

Полюбил цитатчик Таню,
Объясниться был он рад
И любовное посланье
Сплошь составил из цитат.

Мой будильник стал неточен.
Я расстроен, озабочен:
Ночь не сплю и всё хожу,
Каждый час его бужу.

Наш прораб решил задачу,
Сложную и важную:
Он себе построил дачу
Четырёхэтажную.

Был он знатным трактористом,
Стал плохим канцеляристом.
Есть у парня интерес
Возвратиться в МТС.

Промартель грустить не стала,
Что не шли её дела,
Делать ваксу перестала,
На пейзажи перешла.

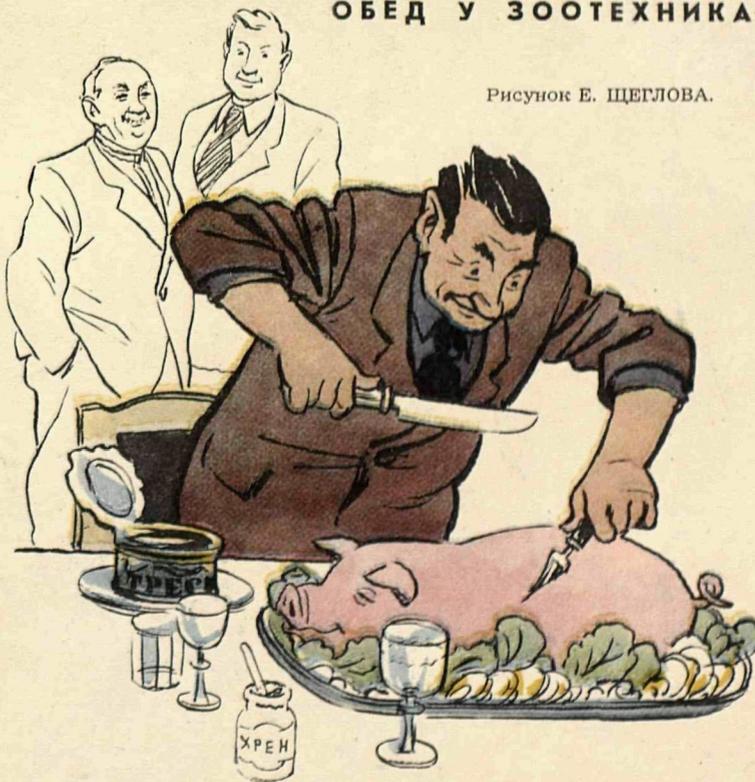
Драматург главой поник
Перед важным фактором:
Намечается конфликт...
Но, увы, с редактором.

Прочитал я в «Литгазете»
О багете, о берете,
Только жаль, что очень мало
В ней нашлось... литматерьяла!

ОБЕД У ЗООТЕХНИКА.

Рисунок Е. ЩЕГЛОВА.

— Эх, если бы он с таким же рвением поросят
выращивал!..

Главный редактор — С. А. ШВЕЦОВ.

Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, В. Я. КОНОВАЛОВ,
И. В. КОСТЮКОВ, КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ),
С. Д. НАРИНЯНИ, И. А. РЯБОВ, Л. С. СОБОЛЕВ.

Изд-во „Правда“. Адрес ред.: Москва, 47, ул. „Правды“, 24. Тел. Д 3-33-47, Д 3-32-50. Приём ежедневно (кроме воскресных дней) с 13 до 17 часов.

Москва.

Изд. № 800.

Подписано к печати 22/X 1953 г.

Формат бум. 70 × 108¹/₂.

1 бум. л.— 2,74 печ. л.

А 04153.

Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Заказ № 2769.

Тираж 350 000 экз.

40
31 Окт 1953

Всесоюзная
Книжная Палата
Обязат. экземпляры
1953 г.

«КОРОЛЕВСКИЙ ДВОР»
НА УОЛЛ-СТРИТЕ

В Соединённых Штатах
Америки находят прибежище
обанкротившиеся правители
из стран Европы.

— Как живёте, пан Миколайчик?
— Как король.